

Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сборник научных статей/ Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003

Карпова Г.

Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе Международного женского дня, 1920-2001 гг.

Наблюдение относительно устойчивых социальных структур и процессов позволяет более объёмно и всесторонне понять смысл и перспективы социальных изменений, происходящих в современном российском обществе. В этой статье мы обращаемся к анализу форм социальной жизни, принципиально выведенных за пределы ежедневного рутинного существования. Речь идёт о феномене праздника как важнейшего элемента социальной истории и своеобразного индикатора социокультурной системы. Для возникновения праздника необходимо существование некой ценности, признанной в социальной группе и в то же время дислоцирующейся за пределами праздника. В данном случае мы рассмотрим гендерные аспекты советской социальной политики сквозь призму газетных репрезентаций Международного женского дня. Анализируя динамику образа 8 Марта в советской и постсоветской прессе, мы увидим, как менялись приоритеты социальной политики в отношении женщин.

Для того, чтобы проследить эволюцию женского образа, нами был проведен анализ содержания газет, выходящих к 8 Марта, на выборке не реже, чем через каждые пять лет, с 1920 по 2001 гг. Чаще, чем раз в пять лет, анализировались праздничные выпуски газет, относящихся к таким периодам и событиям, как Великая Отечественная война, смерть и разоблачение культа личности Сталина, первые годы перестройки. Мы рассматривали газеты, приуроченные к Международному женскому дню и выходящие между седьмым и девятым марта (в зависимости от режима выхода газет, от дня недели). Структура этих выпусков достаточно стабильная и включает правительственные и официальные поздравления, репортажи, посвященные “женской теме”; юмористические публикации и комиксы и, начиная с 1980-х гг., довольно представительная реклама подарков и развлечений, приуроченных к празднику.

При анализе публикаций мы учитывали принятую исследователями хронологию советской гендерной политики (Пушкарева, 1998: 171-181): 1920-е гг. – социальный эксперимент, связанный с реформированием семьи и быта, 1930-50-е гг. – трудовая мобилизация женщин, 1960-70-е гг. – модификации контракта “работающая мать”. В исследовании использовались материалы двух советских газет в качестве образца

легитимного дискурса, представляющего государственную точку зрения по всем основным вопросам, включая гендерные отношения. Это “Известия”, одно из наиболее читаемых центральных изданий, и “Коммунист” – одна из самых популярных местных газет. В целях сравнительного анализа из подшивки отобраны выпуски “праздничных” газет, центральной темой которых ввиду специфики праздника 8 Марта выступает образ женщины-современницы.

Было проанализировано 30 выпусков праздничных номеров газет, в том числе 20 номеров “Известий” и 10 номеров “Коммуниста”. Данная выборка позволила охватить период с момента становления советской республики до событий современности, отразить развитие советской гендерной политики с 1920 год по наши дни.

Политика репрезентаций и репрезентация политики

Политическая направленность праздника в дореволюционный период и первое десятилетие Советской власти определялась эмансипаторной риторикой женского движения и социалистической идеологией, будучи обусловлена необходимостью привлечения женских масс к активной политической деятельности. В первые годы советской власти большевики в ответ на политическую необходимость в тот период создали и реформировали образ новой советской женщины, определили ожидаемые от нее роли и обязанности, причем язык празднования 8 Марта использовался, чтобы усилить именно общественную сторону жизни советской женщины. Для этого периода, как указывает Н.Л.Пушкарева, характерно “весьма ограниченное восприятие женского движения лишь как “части революционного потока” в марксистско-ленинской теории. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., во-первых, не без издевок “отменили” деятельность женских “буржуазных” организаций. Во-вторых, негласно было объявлено, что научный интерес представляет лишь вопрос о “женском ферменте” (выражение К.Маркса) в истории большевистской партии и рабочего движения. Женщины не представляли собой класса; следовательно, их статус и устремления как социальной группы, объединенной внеклассовыми интересами, казались вымыслом, фикцией” (Пушкарева, 1998: 72).

Начиная с 1920-х гг., 8 Марта из политической акции женщин борьбы за свои права превратился в Международный день работниц и получил официальный статус праздника, хотя и не был выходным днем. В праздничных публикациях к женщинам обращаются исключительно как к работницам и крестьянкам:

“Привет работнице и крестьянке в международный коммунистический день! Международный женский день мы отмечаем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Сегодня, 8 Марта

трудящиеся женщины будут выставлять международные требования” (Известия, 8 марта 1925).

При наличии в СССР ограниченной системы средств массовой информации, инструментальный и креативный потенциал Международного женского дня использовался большевиками в целях пропаганды целей и задач революции среди полуграмотного населения (Chatterjee, 1991). Центральная советская газета “Известия” акцентирует внимание на идее В.И. Ленина о том, что необходимо *“втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме, а втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин”* (Известия, 8 марта 1925). В день 8 Марта местная газета пестрит лозунгами: *“Работницы и крестьянки, ближе к советам, органам власти, управлением страной!”*, *“Укрепим союз работниц и крестьянок!”* (Коммунист, 7 марта 1925).

Международный женский день использовался большевиками для конструирования идеологически-ориентированного публичного пространства в противовес традиционной для женщины политически-нейтральной приватной сфере (Chatterjee, 1991). В официальных обращениях Партии и Правительства к трудящимся женщинам, Постановлениях к Международному коммунистическому женскому дню – отсутствие всякой лирики. Здесь *“самоотверженные и мужественные”* женщины как важнейший ресурс политической лояльности и экономической стабильности ставятся на один уровень с мужчинами, раскрепостившись от цепей рабства и мелкособственнического уклада жизни, приобщаются к политической и общественной деятельности, в том числе, благодаря новой семейной политике, допускавшей аборт и разводы.

Культурному и социальному раскрепощению женщины способствует семейная политика государства, а точнее первый ее этап. Упрощенная процедура заключения брака и развода, декрет о разрешении медицинских аборт по желанию женщины – все перечисленные положения нашли свое подкрепление в изданном в 1926 г. законодательстве о браке и семье. В этом же духе звучат и стихи Н.Асеева, обращенные к женщине работнице и крестьянке. Текст изображен на знамени, которое держит в руках работница – пролетарка:

*“Быт – Кащей,
С ним на борьбу
От пеленок и щей!
Работница мира, сорви чадру,
Сама управляй судьбой,
Лишь тот тебе муж, и друг, и брат,
Кто трудится рядом с тобой!”* (Известия, 8 марта 1925)

Читаем здесь же: *“Женщины продолжают оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, но ее давит, душит,*

отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и детской, расхищая ее труд работой, по дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею” (Известия, 8 марта 1925).

Однако, разрешение разводов и аборт само по себе не могло полностью решить проблему гендерного равенства в частной жизни. Сыграли свою роль экономические проблемы, воспрепятствовавшие государству взять на себя функции материального обеспечения и воспитания детей, создания *“укрупненного, общественного, социалистического быта”* (Известия, 8 марта 1930). И хотя женщин интегрировали в совокупную рабочую силу, раннебольшевистские мечты о переводе в домашних функций в публичную сферу так и не были реализованы, за исключением тех вопросов, которые касались ухода за детьми. Даже в крупных городах фактические права женщин при устройстве быта и распределения обязанностей в коммунах постоянно нарушались, а женщины нередко рассматривались не как равноправные участницы сексуальных отношений, а лишь как объект мужского сексуального желания (Введение в гендерные исследования, 2000).

В период индустриализации, коллективизации и партийных чисток было провозглашено, что равенство полов достигнуто, хотя это было далеко от истины. С начала 30-х годов на Международный женский день пресса регулярно утверждала, что в СССР женщины не только радовались формальному правовому равенству, но и реализовывали равные права на практике (Известия, 8 марта 1933). Равенство полов, в соответствии с официальной идеологией, было достигнуто в результате более фундаментальных изменений в обществе, в связи с чем никакой особой дискуссии о женщинах не требовалось, ведь их жизнь рассматривалась теперь лишь как часть советской системы (Buckley, 1989: 112).

Пролетарско-интернационалистский дискурс (8 Марта за рубежом, 1930: 64) дополняется кодами сравнения социального положения советских женщин с ситуацией их сестер за рубежом, сравнения, которое осуществлялось в пользу социалистического образа жизни и социалистических принципов равноправия. *“Советская женщина – строитель коммунизма, – цитируем праздничный выпуск газеты Известия (Известия, 8 Марта 1930), – советские женщины – самые счастливые женщины в мире! Они завоевали себе почетное место в рядах строителей социализма, пользуются всеми правами наряду с мужчинами”*. На смену образа большевички, сподвижницы рабочего класса, резерву армии труда на первый план выступает *“...освобожденная, культурная и социально раскрепощенная женщина”* (Известия, 7 марта 1941).

Второй этап в семейной политике относится к середине 30-х годов. В 1936 г. знаменитая сталинская Конституция провозгласила: *“В СССР решена задача огромной исторической важности – впервые в истории на*

деле обеспечено подлинной равноправие женщин”. Укрепляющееся тоталитарное государство пытается ограничить свободу частной жизни, применяя все более жесткие методы контроля. Юридически эта тенденция была закреплена в законе об отмене аборт по желанию женщины (1936), усложнением процедуры развода (1944). Между государством и женщиной укрепляется сформировавшийся с первых дней советской власти гендерный контракт “работающей матери” (Здравомыслова, Темкина, 1998: 171-181), продолжает развиваться система институциональной поддержки сочетания материнства с оплачиваемой занятостью женщин на рынке труда. Для женщины семья оставалась частью предписанной ей государством роли, неизбежным противовесом работе, эквивалентом личного времени. При советском режиме государство частично создавало определенные условия для реализации этой модели. Советский женский идеал – “работающая мать” предполагал институциональную поддержку трудовой и материнской мобилизации “советских гражданок”. В первую очередь, в праздничных газетах все чаще звучат хвалебные слова в адрес матерей, и того, кто обеспечивает счастливое материнство:

“Материнство окружено в Советской стране всенародным почетом и заботами государства. Это ярко выражено в усилении помощи матерям. Советское государство, коммунистическая партия, дала неисчерпаемые возможности советской женщине для творческого труда и счастливого материнства” (Известия 8 Марта, 1935).

В то время, как практическая программа по организации общественного быта, стартовавшая с конца 20-х годов, все более сокращалась, пропагандистские обещания улучшения положения женщин в будущем за счет создания фабрик – кухонь, столовых, общественных прачечных звучали все громче, становились одним из важнейших механизмом манипулирования женским сознанием. Неоднократно высказывается и форсируется мысль о том, что Октябрьская революция женщине передала равные права с мужчинами. Сам тон этих заявлений, так или иначе, ставит трудящуюся женщину в позицию получателя даров. Факт того, что “равные права” были “переданы” женщине показывает существование определенного неравенства и представления о вторичности женщины по отношению к мужчинам – освободителям. Женщина – объект, которому приносят, передают, оказывают помощь, поднимают на высоту, дают возможность и, разумеется, ждут огромной благодарности:

“Высокие, благородные качества воспитаны в советской женщине партией Ленина-Сталина, плод завоеваний революции, принесший трудящимся женщинам подлинное освобождение. Советское государство подняло женщину на невиданную высоту, оказало огромную помощь, создало возможность пользоваться всеми правами” (Известия, 7 марта 1941).

В прессе четко определено семантическое поле образа советской женщины: “трудящиеся женщины, женщины-работницы, ученые, колхозницы, женщины-матери, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма”. Привлекая идею Ч.Четтерджи, отметим, что “именно Международный женский день использовался большевиками для конструирования нейтрального публичного пространства в противовес традиционной для женщины приватной сферы” (Chatterjee, 1991: 29).

С середины 1930-х гг. масштабы празднования международного женского дня приобрели государственный размах. Публичный характер праздника активно поддерживался международным движением женщин за свои права.

Счастлиное положение трудящейся женщины социализма постоянно сравнивается с бедственным положением женщин за рубежом: *“Привет работнице и крестьянке в международный коммунистический день! Международный женский день мы рассматриваем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Капиталистический мир имеет для них только презрение, отказывает им в действительном равноправии как в семье, так и в обществе, дает им лишь крохи, лишь бумажные права”* (Известия, 7 марта 1941). И здесь советским женщинам не дают забыть, кому они обязаны своим нынешним положением: *“Советские женщины – самые счастливые женщины в мире!”* (Известия, 8 марта 1941); *“Высокие, благородные качества воспитаны в советской женщине партией Ленина – Сталина, плод завоеваний революции, принесший трудящимся женщинам подлинное освобождение. Советское государство подняло женщину на невиданную высоту, оказало огромную помощь, создало возможность пользоваться всеми правами”* (Известия, 8 марта 1945).

Освобождение женщин в этот период рассматривалось лишь как часть классовой борьбы. А поскольку триумф социализма был зафиксирован официальной идеологией, это значило, что классовая борьба была завершена, а освобождение женщин осуществилось. Пропаганда фокусировалась на вкладе женщин в индустриализацию и коллективизацию в 1930-е и участие женщин в войне с 1941 по 1945 гг. Проецировался образ женщин как “великой силы советского общества”, “великой армии труда” и “колоссального резерва рабочей силы”. По образному выражению М.Бакли, идеологический прожектор высвечивал их коллективные достижения, но не проблемы, с которыми они сталкивались (Buckley, 1989: 113). Социалистический реализм выносил на повестку дня визуальные образы женских ролей. Иллюстрации и фотографии в советских книгах, журналах и газетах, которые ранее посвящались политической мобилизации женщин, сейчас показывали счастливых улыбающихся энтузиасток, уверенно ведущих тракторы и работающих на фабриках (Известия 8 марта 1930), собирающих урожай с

потрясающей скоростью и выполняющих стахановские задачи на капустных полях.

В годы войны приоритетным кодом в репрезентациях женщин вновь становится их труд на благо Советской Родины, во имя Победы: *“Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа. Международный женский день – день дальнейшего усиления помощи Красной Армии, дальнейшего укрепления военной и экономической мощи советского государства”*. Все чаще в создании “положительного образа” героинь используется описание тех качеств, которые указывают не на “абсолютное равенство” мужчины и женщины и их идентичность, а на то, что должно быть присуще женщине. Конечно, речь идет не о подборе персоналий, а о тональности дискурса – вот, например, слова одной из героинь, героя Советского Союза, авиатора С. Никулиной в статье “Наша боевая жизнь”: *“Мы не суровы по характеру – нас заставили быть такими. Пройдя всю войну, мы сохранили мягкость и нежность, свойственные советской женщине. Стараемся сделать свое жилище уютным и красивым, любим цветы и стихи, но пока делаем суровое дело”* (Известия, 8 марта 1945).

На страницах праздничных газет красной нитью проходит обращение: *“К новым подвигам, советские патриотки!”* (Известия, 8 марта 1945 г.). Но кто же на самом деле является героем дня? Ради чего советская женщина самоотверженно работает и мужественно переносит тяготы войны? Легитимный дискурс содержит ответы на эти вопросы: *“В отечественной войне советские женщины защищают свою родную власть, давшую им свободу, все политические права, возможности для творческого труда и счастливого материнства”* (Коммунист, 9 марта 1945). Так или иначе, даже в праздничном дискурсе женщины уходят на второй план: они *“оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов”* (Известия, 8 марта 1945); ее поступки должны заслуживать “патриархального” одобрения: *“Великий Сталин высоко оценил труд и борьбу советских женщин. Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа: она многое перенесла, несет на себе тяжелое бремя, стала главой семьи, приняла на себя труд мужчин во имя Родины, благословив воинов на смертный бой с врагом”* (Известия, 8 марта 1945).

Необходимость дальнейшей институционализации советской семьи становится первоочередной в условиях военного времени. В 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ (Указ Президиума Верховного Совета СССР, 1944), согласно которому лишь зарегистрированный брак теперь считается легитимным и порождает права и обязанности супругов. Фактически этот указ перекладывал всю ответственность за внебрачную связь, всю тяжесть ее последствий

целиком и полностью на женщину и рикошетом – на рожденных ею детей (Айвазова, 1988: 77). В дополнение к этой мере, государство усложнило процедуру развода, который теперь полагался признаком “моральной неустойчивости” гражданина и влек за собой серьезные административные и партийные взыскания. В праздничном обращении к советским женщинам находим сталинские аргументы о “решенном женском вопросе”: *“Большой теплотой и заботой окружены женщины в нашей стране. Партия и правительство создают все условия для того, чтобы советские женщины могли спокойно учиться, работать, расти, полностью осуществлять великие права, предоставленные им Сталинской Конституцией, детские сады, ясли, детские санатории и женские консультации, помощь многодетным и одиноким матерям. Где, в какой еще стране существует забота о женщинах-матерях? Где еще женщины пользуются такими правами? Нет в мире такой другой страны”* (Известия, 9 марта 1950). Соответственно, каждая из статей о женщинах – современницах неизменно заканчивается словами огромной благодарности “товарищу Сталину”. К примеру, лирическая страница газеты Известия представлена стихотворением Е. Шевелевой: “В агитпункте”:

*“Заговорили о труде и о растущем изобилии,
О Сталине в наш женский день, мы горячо заговорили”*
(Известия, 8 марта 1950).

С новой силой в прессе военных и послевоенных лет звучит тема материнства: “Тысячи многодетных матерей, вырастивших своих сыновей храбрыми и бесстрашными воинами, удостоены правительственных наград”. Праздничный выпуск газеты “Известия” публикует Указ о награждении многодетных матерей. Эту тему развивает и газета “Коммунист”. Так, в статье “Советские женщины в Отечественной войне” вполне конкретно обозначена главная функция советской женщины: *“Советская женщина вырастила доблестных воинов, задача советской власти - забота о женщинах – матерях, ведь они призваны воспитывать наших детей”* (Коммунист, 8 марта 1945). В целом газетные публикации военного времени сохраняют героический пафос, но к концу войны – в 1945 г. – появляются и лирические страницы: стихотворения, (Софронов “О любви”, “Письма на фронт” - Известия, 1945, 8 марта), да и в статьях встречаются обращения к женщинам, как “милым подругам”, “верным женам”, “любимым матерям”.

Приватизация политического

После смерти Сталина официальная идеология все меньше присутствовала в частной жизни. В отличие от строгого контроля над соблюдением семейных ролей и сексуальным поведением советских граждан в 1930-50-е годы, в более мягкой практике позднего социализма государственная политика нашла свое выражение в манипулировании

моральными категориями “прочной социалистической семьи”. Категория положительных героинь этого периода связана с традиционными образами женственности: верная подруга, ждущая своего мужа; ухаживающая за больным возлюбленным; самоотверженная, образцовая мать; умелая домохозяйка. В то же время, конечно, нельзя сказать, что роль советской женщины как матери рисуется исходя из однозначно прагматических соображений. Существует определенная идеологическая традиция, подчеркивающая активное участие женщин в общественной жизни, следуя которой женщина должна быть активной и самостоятельной гражданкой своей страны. В праздничных номерах появляется реклама подарков к международному женскому дню. Как правило, это предметы бытовой техники, швейные машины, посуда.

Со второй половины 50-х, несмотря на то, что в публичном дискурсе день 8 Марта все еще остается “смотром достижений советских женщин”, на приватном уровне, в кругу семьи, на производстве, по личному ощущению Международный Женский День становится всенародным праздником, так и называемым – “Праздник 8 Марта”. Происходит постепенная “приватизация” праздничного пространства, что, однако не означает сокращения его масштабов. Международный день трудящихся женщин трансформируется в “женский день” - праздник всех женщин, невзирая на возраст и статус занятости. Приватизация 8 марта воплощается в практиках потребления, в практиках освоения пространства и праздничного времени. Несмотря на то, что празднование зачастую сохраняет свой традиционный сценарий, включая официальные поздравления, подведение итогов, бюрократические моменты, связанные с ритуалами публичных заседаний, награждений, в тех же официальных обращениях все чаще появляются теплые, носящие более личный характер слова, адресованные женщинам, в репертуаре приглашенных артистов эстрады вместо патриотического репертуара появляются песни о любви.

Во время хрущевского правления существовало противоречие между идеологическими утверждениями об успешности освобождения женщин при советском социализме и более реалистическими наблюдениями о жизни женщин... Больше места в Правде и Известиях от 8 марта, например, посвящалось участию женщин в политике, порой захватывая и выпуски от 9 марта” (Buckley, 1989: 139-141). При этом призывы ЦК КПСС к советским женщинам более активно участвовать в политической и общественной жизни могли соседствовать на одной странице с утверждениями освобождения советских женщин при социализме (Правда, 8 марта 1957).

Одним из изменений в политике гендерных репрезентаций, начиная с 1960 гг., стал постепенный отказ от отсутствия существенных отличий между мужчиной и женщиной, апелляции к “естественным” гендерным различиям. Падение рождаемости способствовало усилению пропаганды

того, что женщина в первую очередь является матерью: “С чувством глубокой признательности мы обращаемся к женщине-матери. Она дарит ребенку жизнь, стоит у его колыбели, отдает тепло и нежность своей души, стремится вырастить достойного гражданина нашей Родины” (Известия, 7 Марта, 1960). Портреты сексуально привлекательных красавиц на обложках журналов и страниц газет заменили работниц в косынках. Со страниц газет и с телеэкрана мужчины все чаще призывают вернуть “женщине – женственность”, а женщины выражают тоску о “настоящем мужчине”.

Спад рождаемости, уменьшение размеров семьи, постарение населения, бывшие следствием урбанизации, индустриализации и людских потерь, в 1970-е гг. вызывают к жизни дискуссию о том, как поощрить многодетную семью, при этом роль мужчины как отца семейства, как воспитателя детей не проблематизируется. Рассуждения о социализации не ставили под вопрос традиционные гендерные стереотипы, напротив, “естественные” различия между полами должны были быть усилены. Именно к 1970-м гг. относится зарождение отрицательного отношения к буржуазному феминизму (Buckley, 1989: 179). Начало 1980-х характеризуется четким акцентом на роли женщины как матери и воспитателя детей. В опубликованных прессой отчетах о достижениях женщин в общественной и политической жизни все чаще подчеркивается важность образа женщины-матери, хранительницы домашнего очага.

В середине 1980-х гг. публичный дискурс и социально-экономические реалии возвращают женщину в семью, постепенно происходит и деполитизация “женского праздника”, его публичное пространство приватизируется. Появление в конце 1980-х гг. новой идеологии в отношении женщин связано с политикой М.Горбачева, который внес в общественную дискуссию женского вопроса “идеологический диссонанс” (Buckley, 1989: 194-195), предлагая наряду с продвижением женщин по службе и улучшением их условий труда “вернуть женщине ее истинное призвание” (Горбачев, 1988).

Именно этим вызваны выступления М.С.Горбачева в начале перестройки, призывающего вернуть “женщину домой”. В 1987 г. он заявляет, что поскольку социалистическое развитие не оставило для женщин времени для их домашней работы, воспитания детей и семейной жизни, перестройка может вернуть женщинам их предназначение.

Восьмое марта в новейший период: политика потребления

Начиная с 1990-х гг., “изменение положения женщин вновь стало рассматриваться как один из приоритетов. Но по-прежнему различия между мужчинами и женщинами признавались непреложными: материнство и воспитание детей рассматривалось как “неотъемлемые и незаменимые функции” женщин” (Тартаковская, 1997: 48). К 1990-м гг. увеличивается количество сатирических образов в выпусках газет,

посвященных Женскому дню: в графике и слове высмеивается амбивалентное отношение общества к женщине и быстро сформировавшиеся традиции: “единственный день в году, когда отцы семейств моют посуду, а мужчины в транспорте уступают место с улыбкой – ваш день” (Известия, 1990, 8 марта). Революционный пафос полностью исчез. Политические призывы заменяются более мягкими формами “пожелания”: *“Россия пока мало что хорошего сделала для женщин. Наше общество остается сугубо мужским, все важные решения принимаются мужчинами. Дело не в законах, а в социальной психологии, которую изменить очень трудно. Но изменения вероятны, если сами женщины станут активнее их добиваться”* (Известия, 8 марта 1995). Вместо женской солидарности – мимоза, вместо прав – открытки с праздничными восьмерками.

Пропагандистский тон практически полностью заменяет мягкий, а иногда и грустный юмор: *“Наша изнуренная жизнью и деятельностью женщина как правило чувствует себя таковой два раза в году – 8 Марта и 23 февраля – в одном случае ее поздравляют, а в другом – нет, но и то, и другое означает, что она женщина. При этом мужчины круглогодично и всесезонно пьют за прекрасных дам, выходит потребность в них еще сохранилась”* (Известия, 8 марта 1995). С юмором и всерьез в 90-е гг. день на страницах газет 8 марта предпочитают обсуждать вопросы женственности, об этом говорят само название статей: *“Побольше бы женственности”*, *“Еще раз о женщине”*: *“В этот день приятно сообщить отрядные факты о положении женщин. Сегодня таковых немного, хотя, конечно не без них. Например в Удмуртском госуниверситете снова возродились высшие женские курсы, вручили студенткам билеты, и теперь у юношей есть шанс жениться на курсистках”* (Известия, 9 марта 1995).

Единственное, что может напомнить нам о смысле празднования Международного женского дня в былые времена – это праздничные обращения представителей административных структур, например, как в этом обращении руководителя областной администрации: *“Уважаемые женщины области! Сегодня в центре внимания мужчин, общества, государства – мать, труженица, юная надежда семьи и близких, дорогая и любимая. Пусть всегда мужское внимание ободряет и поддерживает вас”* (СВ, 7 марта 2001).

Вместе с тем, вряд ли можно говорить о полном исчезновении политического и идеологического аспекта празднования 8 Марта. Однако эта идеология меняется. Газетные репортажи отмечают факты, когда некоторые политические акции женщины приурочивают к Международному женскому дню: *“В международный женский день от Могилы Неизвестного Солдата у Кремлевской стены начнется Марш матерей, конечная цель которого – город Грозный. Марш будет делать*

остановки по дороге в Чечню во многих городах России, проводить митинги, шествия, пикеты и молитвы. В Саратове Марш пройдет 9 Марта” (СВ, 7 Марта 1995). Однако это лишь небольшая заметка в ряду поздравлений, рекламного блока, предлагающего подарки к 8 Марта: *“Только 7 и 8 Марта! Дорогие мужчины! Сделайте подарок женщинам, которые рядом с вами. Подарите своей любимой отдых!”* или *“Бытовая техника от фирмы Партия – замечательный подарок для милых дам”* (СВ, 7 Марта 1995).

Наиболее политизированные репрезентации женщин можно встретить с начала 1990 г., в левой и националистической прессе. Подробный анализ символического дискурса современной националистической прессы в отношении женщин можно найти в работе Т.Барчуновой.

В настоящее время празднование 8 Марта все более подчиняются законам общества массового потребления, занимая свое место в империи праздничного бизнеса. Развивается индустрия цветов и женских подарков. Реклама подарков в праздничных выпусках газет вносит свой вклад в создание женского образа, где подчеркивается приватность, интимность, в праздновании женского дня. Общество массового потребления требует от женщины быть красивой и привлекательной. Этого помогает достичь средства по уходу за телом, косметика, широко рекламируемая как *“лучший подарок для любимой женщины”* (Известия, 8 марта 1995), модная одежда, шейпинг. Общество потребления заставляет нас традиционно смотреть на самих себя с точки зрения потребителей рекламируемых продуктов, как, в известном слогане об эксклюзивной косметике *“Ведь я этого достойна”*. Здесь женщина – идеальная домохозяйка, которая, чтобы проявить себя должна быть в курсе экономичных и эффективных моющих средств и продуктов быстрого приготовления, или молодой, стройный, следящий за собой сексуальный объект, занятый в модельном бизнесе.

Женщина – хранительница очага, организатор мужского потребления. Так воспроизводится патриархальная идеология в отношениях между полами. Подобные образы современной женщины охотно демонстрируются, даже с некоторой иронией со страниц праздничных выпусков газет: *“Трудно будет представить, что будет твориться в Ижевске через 4, 5 года, когда высшие женские курсы дадут первый выпуск и из дверей выйдут 35 красивых и не в меру образованных женщин. Некоторые пройдут по улицам города пешком и все встречные оценят их грациозную походку как следствие уроков хореографии. По окончании курсов девушки получают высшее образование – историческое. Более того, в программу включены такие неожиданные предметы, которые дают, к примеру, навыки цветовидения, связанные с умением комбинировать цвета и воспринимать мир в красках (надо полагать, в политической сфере это поможет девушкам отличать красных от*

белых, а в обыденной жизни – быстро распознавать голубых). Возможно, руководитель курса имеет ввиду нечто возвышенное, но, на мой взгляд, взгляд мужчины и главы семьи, наибольшая таинственность в современных условиях заключается в том, как женщина ухитряется спланировать семейный бюджет, накормить детей и прожорливого мужа и свести финансовые концы с концами. Для любой выпускницы полученные знания дадут возможность работать гувернерами, секретарями-референтами – успехи в труде ей гарантированы, а что же в личной жизни? Эти перспективы наилучшим образом отражены в уже возникшей на курсах поговорке: “Я с дипломом ВЖК найду любого мужика”. Правоту этих слов подтверждает Г.Мерзлякова: “Мы дадим девушкам такое образование, что нашим воспитанницам не придется искать мужчину – он сам прибежит” (Известия, 9 Марта, 1995). Согласимся с И.Тартаковской, которой, “обращаясь к современному положению женщин в нашей стране, приходится констатировать, что патриархатные взгляды в России глубоко укоренены” (Тартаковская, 1997: 48).

Некоторые публикации транслируют сексизм в отношении женщин. К примеру, в статье “Праздничное “построение” полпред президента Виктор Казанцев поделился своими мыслями по женскому вопросу: “Даже в названиях женских организаций “Эхо войны”, “Лига защиты”, чувствуется напряженность. И вообще, если много женских организаций, трудно разговаривать”. Заканчивается статья на оптимистической ноте: “А чтобы феминки не заговаривались, им было предложено пить минеральную воду и есть

В 2001 г. мы отметили “юбилейный” женский день. С момента первого празднования Международного женского дня исполнилось 90 лет, и газета “Известия” излагает читателю чисто “мужской взгляд” на суть “женского праздника”: “Ничего удивительного, что женский день придумала некрасивая женщина – в конце концов недостаток обожания всегда обостряет социальное и классовое чутье. Клара Цеткин была дурна собой, а поэтому весь ее душевный пыл ушел на борьбу за лучшую участь для себе подобных”. И далее: “И вообще, признайтесь в любви какой-нибудь Кларе Цеткин, живущей неподалеку. Избавьте барышню от душевных страданий. Глядишь, тогда не понадобится изобретать социально озабоченные праздники, ходить колоннами, бороться за ущемленные права и напоминать миру, таким образом, о своем присутствии”. Пожалуй, стоит согласиться с автором в одном: “Пора привыкать к тому, что все мы – люди. Все достойны уважения. Все можем претендовать на простое человеческое счастье. Поэтому, так уж и быть, с Международным женским днем поздравляю всех. И мужчин тоже” (Известия, 7 марта 2001).

Анализ калейдоскопической картины современных российских масс-медиа (см. Таблицу 1) вскрывает властные отношения, которыми пропитана “сфера пола”. Праздник же оказывается выразительным средством государственной идеологии (Глебкин, 1998; Щербинин, 1998: 79 – 96). В символическом ряду современного женского праздника знаки эмансипации и материнства вытесняются кодами приватности, интимности, подчеркивая новые акценты в образе феминности. Наблюдается “модификация патриархатной идеологии, которая из государственно-патриархатной становится либерально-патриархатной” (Тартаковская, 2000: 246-265).

<i>Период</i>	<i>Специфика гендерной политики</i>	<i>Дискурсивные коды 8 Марта</i>	<i>Дискурсивные коды женских ролей</i>
---------------	-------------------------------------	----------------------------------	--

1917-1930	Становление советской республики через диктатуру рабочих и работниц; I этап семейной политики – период сексуального и семейного раскрепощения женщины;	Наш красный праздник, день работниц, день борьбы за коммунизм, праздник освобождения от гнета капитала;	Работницы и крестьянки советской республики, живые рабочие силы трудовой республики; товарищи-работницы, большевички, сподвижницы рабочего класса, резерв армии труда;
1930-1940	Второй этап семейной политики, ужесточение контроля и регулирования семейных отношений;	Международный женский день – великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя;	Самоотверженные и мужественные женщины, советские гражданки, трудящиеся женщины; женщины-работницы, ученые, колхозницы; женщины-матери, обладающие правом счастливого материнства, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма;
1941-1945	Великая Отечественная война; усиление патриотизма в праздничном дискурсе	Международный женский день – день дальнейшего усиления помощи Красной Армии, дальнейшего укрепления военной и экономической мощи советского государства;	Советские женщины защищают свою родную власть, давшую им свободу, все политические права, возможности для творческого труда и счастливого материнства, воспитывающие новые поколения строителей коммунизма;
1945-1953	Обстановка политического подъема; в первых рядах бойцов за построение коммунизма – советские женщины	Международный женский день представителей многочисленной армии трудящихся женщин, знатных стахановок, прославленных героинь труда;	Активная участница грандиозных событий, мать-героиня; советская патриотка, “обладающая благородными качествами, которые привил нам великий Сталин”; сочетающая мужество работника, творца нового общества с истинной женственностью;

Таблица 1. Международный женский день в динамике социальных изменений

1953-1960	Практика позднего социализма, манипулирование моральными категориями “прочной социалистической семьи”.	День подведения итогов своих усилий в борьбе за равноправие и социальный прогресс в обстановке резкой идеологической борьбы.	Дочери, внучки, советские женщины, труженицы, матери, борцы за мир.
1960-1985	Возвращение к идеям “естественных гендерных различий”, отказ от “идеологии бесполости”.	Международный женский день, Всенародный праздник – праздник 8 Марта; “приватизация” праздничного пространства, трансформация его в праздник всех женщин, невзирая на возраст, социальное положение, занятость.	Женщина-мать, соратница, преданная Родине строительница коммунизма, создает “основу счастливой советской семьи”; “женщине-женственность”; “хранительница домашнего очага”.
1985-1990	“Возвращение женщины домой” (М.Горбачев); возможность и обязательность совмещения женщиной двух ролей: работница и мать.	Праздник Весны и Любви; деполитизация “женского праздника”; акцент смещается на традиционные символы женского в народной праздничной культуре: пробуждение природы, цветение, плодородие, красота.	Милые женщины, нежные заботливые матери, верные подруги, любимые Ю жены, дочери, подруги.
1990-2001	Подчинение 8 Марта законам	Всенародный женский праздник,	Красивая, привлекательная,

массового потребления;	приватность и интимность в праздновании “женского дня”.	деловая и подарите любимой; подарок которая рядом с вами.	женщина; своей сделайте женщине,
---------------------------	--	--	---

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО “Редакционно-издательский комплекс Русанова”, 1988. С.77.
2. Введение в гендерные исследования. М.: МГУ, 2000. С. 101.
3. Глебкин В.В. Ритуал в Советской культуре. М.: Янус – К, 1998
4. Горбачев М. Перестройка и новое политическое мышление. М.: Прогресс, 1988.
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера// Социологический журнал. 1998. №3/4 С.171-181.
6. 8 Марта за рубежом//Сб. статей к международному женскому дню/ М.-Л. Гос. изд-во "Красный пролетарий" в Москве. 1930.
7. Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 72.
8. Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X – XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. № 5, 1994. С.3-14;
9. Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. №4 (1), 2000. С.246-265.
- 10.Тартаковская И. Социология пола и семьи. Самара: ИОО, 1997. С.48.
- 11.Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства” // Ведомости Верховного Совета СССР. №32, 1944.
- 12.Щербинин А.И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы. Политические праздники и игры// Полис.№ 5, 1998. С. 79 – 96.
- 13.Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York, London: Harvester Wheatsheaf, 1989. P.112.
- 14.Chatterjee Ch. Celebrating Women: International Women’s Day in the Soviet Union, 1917-1939. Indiana: Indiana University Bloomington, 1991.